

заться отъ своего заблужденія, если ему это несомнѣнно будетъ доказано, я послалъ ему мою брошюру и оттискъ моей статьи, напечатанной въ Семирѣченскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ, но послалъ анонимно. Въ заголовкѣ статьи, напечатанной въ Областныхъ Вѣдомостяхъ, значилось, что брошюра продаєтся въ Вѣрномъ, въ магазинахъ Зыряновой и Тарнецкаго, и вотъ отъ Льва Николаевича получилось письмо съ такиѣмъ адресомъ: „Г. Вѣрный, магазинъ Зыряновой и Тарнецкаго, Николаю Павловичу Петерсону, или автору брошюры „Правда о Лѣвѣ Толстомъ“—кто-бы онъ ни былъ“. Самое-же письмо заключало въ себѣ слѣдующее: „Милый Николай Павловичъ, если я не ошибаюсь, это вы прислали мнѣ брошюру къ 55-лѣтію моему. Брошюра эта доставила мнѣ только удовольствіе, именно воспоминаніемъ о васъ и дорогомъ, незабвенномъ Николаѣ Федоровичѣ“. (Н. Ф. Федоровъ, авторъ книги „Философія Общаго Дѣла“, о которомъ въ моей брошюре упоминается). Мнѣ только очень жаль было видѣть, что вы съ недобротою относитесь ко мнѣ, тогда какъ я кромѣ самого нѣжнаго, доброго чувства не испытываю къ вамъ, а уже не говорю къ памяти именно незабвеннаго, замѣчательнѣйшаго человѣка Николая Федоровича. Если я не ошибаюсь, пожалуйста, напишите мнѣ прямо; мнѣ очень дорого будеть общеніе съ вами. Ясная Поляна. 1 февр. 1908 г.“

Все вышеприведенное напечатано пишущею машиною, далѣе-же написано чернилами слѣдующее: „Очень сожалѣю, что не могу согласиться съ тѣмъ, что вы пишете, такъ строго разбирая мои очень неважныя, слабыя легенды, не могу согласиться, потому что теперь, стоя на порогѣ плотской смерти, все больше и больше убѣждаюсь въ благодѣтельности плотской смерти и невозможности смерти того духа, которымъ живу, если живу имъ, т. е. любовью. „И мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ братьевъ. Нелюбящій брата, не имѣть жизни вѣчной, пребывающей въ немъ. Любящій-же брата имѣть жизнь вѣчную, пребывающую въ немъ“. Я не только вѣрю въ это, но всѣмъ существомъ испытываю истинность этого. Любящій васъ Левъ Толстой. 2 февр. 1908 г.“—Все это написано чернилами, но не рукою Льва Николаевича, рукою Льва Николаевича сдѣланы только нѣкоторыя поправки и подпись—„Любящій васъ Левъ Толстой“—Хотя въ этомъ письмѣ Левъ Николаевичъ настаиваетъ на прославленіи плотской смерти, и такимъ образомъ является явнымъ противникомъ Христа, воскресшаго во плоти и приходившаго на землю, чтобы положить начало всеобщему воскресенію, какъ „*лѣфенецъ изъ мефтьихъ*“, —и воскресенію именно плоти, хотя Л. Н. и говорить затѣмъ о „невозможности смерти того духа, которымъ живу если живу имъ, т. е. любовью“, —что не совсѣмъ понятно, потому что и граматически неправильно и только приводимые затѣмъ (не вполнѣ, впрочемъ, точно) тексты изъ 1-го посл. Иоанна, гл. III, 14—15, поясняютъ мысль Льва Николаевича, заключающуюся въ томъ что любящій братьевъ уже имѣть въ себѣ жизнь вѣчную, и потому, умирая тѣлесно, не можетъ умереть духовно,—т. е. этимъ Левъ Николаевичъ опять таки настаиваетъ на ненужности воскресенія,—несмотря на все это, я поняль письмо Льва Николаевича ко мнѣ такъ, что брошюра моя произвела на него впечатлѣніе, и хотя онъ и настаиваетъ еще на *своемъ*, но въ